

С. Л. Утченко

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ САЛЛЮСТИЯ

(«Письма к Цезарю» — «Истории»)

Публикуемые в русском переводе произведения Саллюстия—«Письма к Цезарю-старцу о государственных делах» и «Истории»— имеют свою особую судьбу. «Письма к Цезарю», образец римской публицистики I в. до н. э., являются первым литературным произведением знаменитого историка; фрагменты большого труда «Истории», наоборот, представляют собой то, что дошло до нас от его последнего произведения «Письма к Цезарю» долгое время в науке не признавались подлинными, их считали риторическими упражнениями более позднего автора, которые ошибочно приписывались Саллюстию. Принадлежность «Историй» Саллюстию никогда не оспаривалась, но этот интереснейший историко-литературный памятник, в силу своей фрагментарности, сравнительно мало известен и не вошел в должной мере в научный оборот. Между тем оба публикуемые произведения Саллюстия представляют выдающийся интерес для всех, кто занимается изучением истории Рима в один из наиболее напряженных ее периодов: в годы крушения Римской республики.

Саллюстий жил в один из самых бурных и напряженных периодов истории римского рабовладельческого общества. Он был свидетелем событий огромного исторического значения. На его глазах рушились обветшалые формы римской республики, и в пламени гражданской войны закалялись новые политические формы империи — военной диктатуры римских рабовладельцев.

Саллюстий был не только свидетелем выдающихся событий эпохи, он был их непосредственным участником. По собственному признанию, он еще в молодости решил посвятить себя политической деятельности. (Cat., 3, 3.) Однако его политическая карьера сложилась довольно неудачно, и Саллюстий скоро испытал глубокое «разочарование» (там же).

Когда он достиг должности квестора — точно неизвестно. В 52 г. он был народным трибуном и в этот период выступил горячим противником Милона, Цицерона и, в особенности, Помпея. В 50 г. Саллюстий исключается из сената, причем предлогом для исключения послужил беззастенчивый образ его жизни. Но, очевидно, истинной подоплекой исклечения была близость Саллюстия к Цезарю.

После этого Саллюстий отправляется в лагерь Цезаря и принимает участие в его походах. В 49 г. он был восстановлен в сенате. После победы Цезаря при Тапсе он получил, с титулом проконсула, управление вновь учрежденной в Африке провинцией. Управление этой провинцией принесло ему огромные богатства, о которых долгое время свидетельствовали его знаменитый парк (horti Sallustiani) и роскошный дом у porta Salaria. Последние годы своей жизни Саллюстий целиком посвятил занятиям историей.

Но даже отказавшись от непосредственного участия в политической жизни, Саллюстий продолжал своей работой историка и публициста служить своему делу, выполнять «свой долг». Недаром он так требовательно и высоко оценивал задачу историка (Cat., 3. 2) и, отводя возможные упреки в «бездеятельности», не без гордости заявлял: *maiusque commodum ex otio meo quam ex aliorum negotiis rei publicae venturum* (Iug., 4, 4).

Но если это так, то облик Саллюстия как облик человека и деятеля этой бурной эпохи приобретает для нас чрезвычайный интерес. Его мировоззрение, его политические убеждения и симпатии, наконец, самый процесс его внутреннего развития — все это должно в какой-то степени отражать идеологическую жизнь эпохи, борьбу политических партий и платформ, позиции определенных классовых прослоек римского общества. Изучение политических воззрений Саллюстия, вводя нас в атмосферу эпохи, может помочь нам прочесть новую страницу из истории внутривнутриполитической борьбы последних лет существования римской республики.

Энгельс говорил, что «римская республика была действительна, но так же действительна была и сменившая ее римская империя»¹. Контекст этой фразы не оставляет сомнений в том, что Энгельс говорил о действительности римской империи в смысле ее исторической необходимости. Но, конечно, нельзя принимать это высказывание Энгельса, как свидетельство того, что римская империя появилась на свет без борьбы и сопротивления. Такое толкование было бы прямым извращением мысли Энгельса.

Наоборот, мы знаем, что утверждающаяся военная диктатура встречала достаточно упорное и многостороннее сопротивление. Оно проявлялось в самых разнообразных формах, начиная от вооруженной борьбы (гражданская война) и вплоть до «мирных» форм широкого оппозиционного движения, захватившего различные слои римского общества и богатого своеобразными оттенками:

Общезвестно, по крайней мере, одно направление этой оппозиции. Мы имеем в виду оппозиционное движение, исходившее из сенатских кругов, из среды римского нобилитета. Изучение политических воззрений Саллюстия, который никоим образом не принадлежал к упомянутой группировке, может нам дать некоторое понятие о другом направлении и других оттенках оппозиционных настроений в римском обществе, имевших место среди иных общественных группировок. Все вышесказанное обуславливает наш интерес к римскому исторiku.

«*Epistolae ad Caesarem senem de re publica*» дошли до нас вместе с некоторыми другими извлечениями из произведений Саллюстия в одной ватиканской рукописи X в. (Vaticanus, 3864). В этой рукописи более раннее «Письмо к Цезарю» находится на втором месте, а более позднее — предшествует ему².

Историческое значение «Писем к Цезарю» оценено в полной мере сравнительно недавно, так как они по традиции, восходящей еще к XVI в., считались подложными.

Этот взгляд и был господствующим в буржуазной историографии до сравнительно недавнего времени. Только с начала текущего столетия начинается пересмотр этого вопроса. Ряд исследователей, оставляя вопрос об авторстве Саллюстия открытым, устанавливает бесспорную принадлежность «Писем» к эпохе гражданской войны³. Более поздние исследователи немало занимались изучением этого интересного памятника, и к настоящему времени в результате тщательного анализа содержания, языка и стиля «Писем» вопрос об авторстве Саллюстия можно считать решенным окончательно и в положительном смысле.

Датировка «Писем» может быть установлена только предположительно. Во-первых, из содержания «Писем», как уже отмечено выше, с достаточной ясностью вытекает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс., Соч., т. XIV, стр. 636.

² Поэтом, согласно традиции, при ссылках более раннее письмо обозначается через Ерр., II, а более позднее, но в рукописи стоящее на первом месте — через Ерр., I. Такое обозначение для ссылок является общепринятым.

³ Например, E d. Meyer, *Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius*, Berl., 1922, стр. 357—364; 388—399 и др.

выпод относительно неправильного расположения их в рукописи. Письмо, помещенное в рукописи на втором месте, следует признать более ранним. Что же касается вопроса о более точной датировке, то раннее «Письмо», по видимому, можно датировать с большой долей вероятности 51—50 гг. Из всего контекста «Письма» явствует, что оно написано до начала гражданской войны. Поскольку в этом «Письме» говорится «*Gallica gente subacta*» (Epp., II, 12), то можно предполагать, что речь идет о том времени, когда галльская война была окончена. Слова Саллюстия «решил напомнить тебе, занятому военными трудами, битвами, победами, командованием, о том, что делается в Риме» (II, 2) могут служить указанием на то, что «Письмо» было написано еще во время пребывания Цезаря в Галлии.

Последние слова Саллюстия показывают, не позже какого времени написано данное «Письмо», но они никак не могут помочь определить ранние пределы датировки. Однако на этот счет текст «Письма» может дать некоторые косвенные указания. В главе 3 имеются намекы, которые могут быть отнесены только к третьему консулату Помпея в 52 г. Отсюда следует, что «Письмо» написано позже этого года. Упоминание о «враждебном консуле» (II, 2) позволяет более определенно говорить о 51—50 гг., ибо под этим консулом может подразумеваться или Гай Клавдий Марцелл, консул 50 г., или, что менее вероятно, Марк Клавдий Марцелл, консул 51 г. Наконец, включение Марка Фавония в число врагов и недоброжелателей Цезаря (II, 9) является дополнительным подтверждением предлагаемой датировки, ибо Фавоний примкнул к Помпею не ранее 51—50 гг.

Что касается датировки более позднего «Письма», то общий контекст и отдельные разбросанные по всему «Письму» указания не оставляют сомнений в том, что оно написано в период гражданской войны. Более того, можно утверждать, что это «Письмо» написано после того, как Цезарь достиг определенных и крупных успехов в ходе войны, скорее всего, после победы при Тапсе; Саллюстий неоднократно упоминает о «победе» Цезаря, о необходимости перейти от войны к мирным занятиям, о восстановлении государства мирным путем и т. д. (I, 3; 5—6). Таким образом, более позднее «Письмо» написано уже в тот период, когда стало ясно, на чьей стороне осталась победа и когда Цезарь превратился в главу государства.

Таковы возможные соображения по поводу датировки «Писем к Цезарю». Теперь следует перейти непосредственно к содержанию «Писем», начав при этом с более раннего «Письма» к Цезарю.

Глава 5 более раннего «Письма» представляет собой весьма обычный для Саллюстия исторический экскурс. Саллюстий начинает с того, что устанавливает исходное деление римского общества на *patres* и *plebs*. *Patres* обладают *summa auctoritas*, а *plebs* обладает *vis*. Затем идет упоминание о борьбе сословий и о сецессиях, в результате которых могущество нобилитета уменьшилось, а права народа возросли (Epp. II, 5).

Это для Саллюстия — решающий момент, с которого устанавливается некое устойчивое состояние равновесия, республика начинает процветать, наступает период «золотого века».

Саллюстий характеризует период «золотого века» тем, что народ в это время пользовался свободой, никто не мог злоупотреблять своей властью, попирая законы, и знатный стремился превзойти незнатного не богатством или надменностью, а доброй славой и отважными поступками¹.

Что касается хронологических рамок этого периода, то они, по Саллюстию, достаточно широки. Начало этого периода, как было только-что указано, приурочивается Саллюстием к первым успехам, достигнутым плебеями в их борьбе за политические права, т. е. к тому времени, когда массы плебса впервые на ограниченных условиях были включены в жизнь государственного организма. Окончание этого периода не

¹ Sall., Epp. II, 5: «sed plebs eo libere agitabat, quia nullius potentia super leges erat; neque divitiis aut superbia sed bona fama factisque fortibus nobilis ignobilem anteibat».

определено с достаточной точностью, по нарек Саллюстия на утерю земельных участков, на пауперизацию сельского населения ¹ заставляет искать окончание этого периода в тех событиях конца III и II вв., которые вызвали к жизни реформы Гракхов ².

Если обратиться к дальнейшей разработке темы «золотого века» в более поздних произведениях Саллюстия, то можно встретить лишь подтверждение этого взгляда. Окончание периода «золотого века», согласно историческим экскурсам «Заговора Катилины» (6, 13) и «Югуртинской войны» (41—42), совпадает с началом превращения Рима в мировое государство (т. е. с разрушением Карфагена).

Что касается той формы правления, которая обусловила процветание государства, то изучение раннего «Письма» показывает, что это процветание обусловлено таким счастливо найденным государственным устройством, которое обеспечило правильные взаимоотношения между сенатом, *patres* (средоточие *auctoritas*) и *plebs* (средоточие *vis*). Что представляли собой, по описанию Саллюстия, эти «правильные» взаимоотношения между сенатом и народом, исчерпывающим образом показывает глава 10 раннего «Письма». Народ должен повиноваться сенату, как тело душе, и следовать его решениям; сенаторам причисляется выделяться политической мудростью и дальновидностью, для народа же подобные качества излишни ³.

Все вышесказанное дает возможность прийти к некоторым выводам относительно политических идеалов Саллюстия. По его мнению, «золотым веком» римской истории является тот период, когда Рим не превратился еще в мировую державу. Формой правления, обусловившей этот расцвет, была некая система равновесия: «сенат — народ». Эта система призвана удовлетворить следующему условию: при помощи *auctoritas* сената сдерживать *vis* народа, примирять в некоем синтезе то и другое. Такая государственная форма и есть, по мысли Саллюстия, не что иное, как республика, руководимая сенатом, который и обладает *summa auctoritas*. Эта государственная форма была уже дана в истории Рима в прошлом (в период «золотого века»), к ней должно стремиться и в будущем. Таков политический «идеал» Саллюстия, и есть все основания охарактеризовать его, как «идеал» консервативно-республиканский.

Современное ему положение римского общества Саллюстий рисует далеко не радужными красками. Глава 5 раннего «Письма» связывает начало упадка с утратой гражданами земельных участков, с ростом ленности и нужды, с торговлей свободой и интересами государства в пользу своих корыстных интересов. Постепенно римский народ, который был господином внутри государства и повелевал всеми другими народами, пришел в упадок. Тогда власть, которую разделяли все, сменило рабство для каждого в отдельности ⁴. Но если римский народ, заразившись дурными свойствами, утратил идею общего блага, то, следовательно, он уже более не способен принимать участие в управлении государством ⁵.

¹ S a 11., Epp., II, 5: «sed ubi eos paulatim expulsos agri inertia atque inopia incertas domos habere subegit...»

² Реформаторская деятельность Гракхов в понимании Саллюстия является уже попыткой возрождения государства. Поэтому Саллюстий и оценивал деятельность Гракхов в общем положительно (см., например, S a 11., Jug., 42).

³ S a 11., Epp., II, 10: «...igitur ibi plebs senatui sicuti corpus animo oboedit eiusque consulta exsequitur, patres consilio valere decet, populo supervacanea est calliditas».

⁴ S a 11., Epp., II, 5: «ita paulatim populus, qui dominus erat ac cunctis gentibus imperitabat, dilapsus est: et pro communi imperio, privatim sibi quisque servitutem peperit».

⁵ S a 11., Epp., II, 5: «haec igitur multitudo primum malis moribus imbuta, deinde in artes vitasque varias dispalata, nullomodo inter se congruens, parum mihi quidem idonea videtur ad capessendam rem publicam».

Однако картина упадка римского общества характеризуется не только развращенностью народа. Она характеризуется еще разложением всех государственных институтов и, в первую очередь, слабостью сената. В главе 10 раннего «Письма» Саллюстий сравнивает роль сената в древности с современным ему положением и приходит к мало утешительным выводам. Представители аристократии погрязли в бездействии и пороках. Презирая труд и заботы, забыв о военных доблестях, они занимаются недостойными интригами, а сенат, который призван руководить жизнью государства, превратился в жалкую игрушку в руках этих интриганов (II, 10). Несколько ниже, в главе 11, Саллюстий добавляет еще ряд уничтожающих штрихов к своей картине разложения сената. Он указывает на то, что большинство сенаторов всецело поглощено посторонними, частными делами, делами же государства вершит клика нобилей (с небольшим количеством других сенаторов, вовлеченных в эту шайку), которая не знает никаких границ своему произволу¹.

Отношение Саллюстия к нобилитету — резко отрицательное. Эти люди, говорит Саллюстий, не знают цены добродетели, они прельщены бездельностью и разврату, чувства их ожесточились, они закоренели в своих дурных наклонностях (II, 2). Они погубили Друза, подозревая его в стремлении к захвату власти, судя о нем по самим себе, по своим собственным намерениям (II, 6) и, наконец, добились безраздельного господства в государстве, в частности, благодаря пагубной деятельности Помпея. Ибо, по мнению Саллюстия, верховную власть, распоряжение доходами от податей, власть судебную Помпей сделал достоянием немногих сенаторов, народ же римский превращен им в рабов. Фактически всем в государстве распоряжается клика его приверженцев. Законы попорчены, торжествует грубая сила и произвол. Разложение достигло такой степени, что наглость этих *factiosi*, как называет их Саллюстий, может быть сравнена лишь с действиями неприятеля, занявшего город приступом². В заслугу Цезарю ставится именно то, что он расстроил и унизил партию нобилитета (II, 2). Но сила нобилитета еще не сломлена. Борьба с ним неизбежна, об этом Саллюстий специально предупреждает Цезаря (II, 8).

Нобилитет несомненно будет противодействовать всем тем реформам, которые намечены Саллюстием и проведения которых он ожидает от Цезаря (II, 6; 8; 14). Поэтому борьба неизбежна, а так как власть фактически узурпирована нобилитетом, то нобилитет — основной враг, главная опасность. Эта опасность возникла и разрослась, по мнению Саллюстия, как неизбежное следствие слабости сената и развращенности народа.

Нетрудно убедиться, что, рисуя эту картину упадка, Саллюстий сохраняет верность своему консервативно-республиканскому идеалу. В самом деле, изображая упадок римского общества, он констатирует прежде всего развращенность народа и затем бессилие сената. Это свидетельствует о том, что упадок римского общества понимался Саллюстием как разрушение его собственного политического идеала, т. е. как дискредитация формулы «сенат — народ».

Не ограничиваясь изображением этой картины упадка, Саллюстий делает попытку установить основные причины, которые и привели римское общество к подобному состоянию.

Это, прежде всего, ряд причин, объясняющих «развращенность народа». В главе 5, где Саллюстий говорит о развращенности народа, о неспособности его управлять государством, он, как уже было показано выше, объясняет все это тем, что граждане постепенно теряли свои земельные участки, что бездельность и нужда лишили их надеж-

¹ S a 11., Epp., II, 11: «homines nobiles cum paucis senatoriis, quos additamenta factionis habent, quaecumque libuit probare reprehendere decernere, ea, uti lubido tulit, facere».

² S a 11., Epp., II, 3: «...trahunt rapiunt; postremo tamquam urbe capta libidine ac licentia sua pro legibus utuntur»; ср. Cat., II.

ного крова (II, 5). Таким образом, утеря земельных участков была тем первым толчком, который вызвал в дальнейшем разложение плебса.

Однако Саллюстий указывает еще на одну причину. Эта причина есть не что иное, как предпочтение своих личных выгод нуждам государства, т. е. то, что Саллюстий называет торговлей свободой и интересами государства (II, 5).

В главе 10 Саллюстий разъясняет, что если это непохвально для народа, то уже вовсе непростительно сенаторам. Ибо кто занимает в своем государстве наиболее выдающиеся должности, тот и должен в первую очередь заботиться о судьбах отечества¹. Для народа с целостью отечества сопряжена лишь свобода, а для тех, кто своей доблестью снискал славу, честь и богатство, для них вдвойне чувствительна всякая опасность, угрожающая государству. Они не должны жалеть ни трудов, ни забот, поспевать всюду, и если народ обязан повиноваться сенату, как тело душе, то сенаторам надлежит за народ размышлять. Так было в древности, так поступали предки, и это служение отечеству приносило обильные плоды (II, 10). Отсутствие всех этих качеств у людей, стоящих во главе управления государством, преобладание личных интересов, склонность к интригам, продажность — вот следующая группа причин, объясняющих уже бессилие сената.

Концепция Саллюстия теперь вырисовывается в более полном виде. Картина разложения общества представляется, как картина развращенности народа и бессилия сената, причем причиной развращенности народа является утеря земельных участков, а причиной слабости сената — забвение сенаторами нужд и интересов государства.

Такова негативная сторона политических воззрений Саллюстия. Позитивная программа Саллюстия сводится к реформам, необходимым для обновления народа, и реформам, необходимым для обновления сената².

Основной реформой, связанной с обновлением народа, является предложение Саллюстия о расширении прав гражданства и о выводе «смешанных» колоний, т. е. колоний, в которых будут смешаны старые граждане с новыми, только что получившими права гражданства. Это мероприятие, по мнению Саллюстия, приведет к воскрешению истинного понятия о свободе, как новые граждане будут стремиться сохранить полученную свободу, а старые захотят сбросить с себя оковы рабства³.

Итак, Саллюстий выдвигает некую аграрную реформу, которая должна возродить римский народ. Этот тезис находится в полном соответствии с мнением о том, что причиной «развращенности народа» была утеря земельных участков. Таким образом, проект аграрной реформы Саллюстия является логическим выводом из его же послышки о причинах упадка и разложения.

К проектам реформ этого же «раздела» следует отнести и предложение Саллюстия об искоренении или, по крайней мере, уменьшении любви к деньгам, ибо пока эта страсть господствует, не может быть правильного руководства ни государственными делами, ни частными (II, 7). Затем сюда должны быть причислены предложения Саллюстия относительно избрания высших магистратов (консулов и преторов), исходя из достоинства кандидатов, а не из их состояния, а также относительно избрания судей из граждан первого класса⁴. Избрание магистратов должно происходить согласно закону Гая Гракха, т. е. цензурии всех пяти классов должны быть перемешаны и затем произведена

¹ S a l l ., E p p ., II, 10: «...cuicumque in sua civitate amplior industriorque locus, quam aliis est, ei magnam curam esse rei publicae».

² S a l l ., E p p ., II, 10: «quoniam sicut mihi videor, de plebe renovanda conrigendaque disserui de senatu quae tibi agenda videntur, dicam».

³ S a l l ., E p p ., II, 5: «ceterum additis novis civibus magna me spes tenet fore ut omnes expergiscantur ad libertatem: quippe cum illis libertatis retinendae, tum his servitutis amittendae cura orietur».

⁴ Т. е. с цензом в 100 000 сестерциев.

жеребьевка. Это обеспечит равенство прав для граждан, и они будут стремиться превзойти друг друга не богатством, а доблестью (II, 7).

Переходя к другому «разделу» реформ, Саллюстий предваряет свои проекты некоторым введением, в котором он рассказывает, как специальное изучение вопроса убедило его в том, что отдельные царства, общества, народы доколе имели власть, пока они держались основ истины и добра, когда же они начали им изменять из-за любви к наслаждениям, из чувства страха, то они теряли всю власть и могущество и даже оказывались затем поработченными (II, 10). Интересы отечества должны быть вдвойне важны для высокостоящих в государстве. Саллюстий для подтверждения этой мысли ссылается на пример предков и затем рисует уже упомянутую картину слабости сената, ставшего игрушкой в руках интриганов. Это следствие того, что интересы отечества забыты, сенаторы трусливы, продажны и добровольно обращают себя в рабство (II, 10—11).

Следовательно, необходимо провести такие мероприятия, которые содействовали бы поднятию чувства достоинства у сенаторов, создали бы им независимость, вернули бы их к служению интересам отечества. Для возрождения сената Саллюстий предлагает две реформы: умножить число сенаторов и ввести тайную подачу голосов¹.

Не безынтересно отметить, что подобно тому, как в предыдущем «разделе» своей программы Саллюстий выдвигал в первую очередь аграрную реформу, так сейчас он выдвигает мероприятия по обеспечению независимости убежденных сенаторов, по поднятию морального авторитета сената. Этот тезис находится в полном соответствии с тем положением, что причиной ослабления сената было забвение интересов государства и выдвижение на первый план частных, своекорыстных интересов. Таким образом, проект восстановления независимости мнений сенаторов является логическим выводом из посылки Саллюстия о причинах упадка и разложения.

Все реформы, как одного, так и другого «разделов», имеют своей целью возрождение общества и государства. Однако позитивная программа Саллюстия не исчерпывается этими реформами. Вышеизложенные проекты Саллюстия отвечают лишь на вопрос о том, как возродить государство. Но Саллюстия не мог не интересоваться и действительно интересовал вопрос о том, как оно может выполнить эту высокую задачу. Желая ответить на этот вопрос, мы сталкиваемся с проблемой отношения Саллюстия к Цезарю.

Ранее «Письмо» начинается с характерной *captatio benevolentiae* (II, 1—2), где Саллюстий, после рассуждения о том, насколько трудно давать советы людям, вознесенным на вершину земного величия, переходит к обоснованию мотивов, которые все же побуждают его дать ряд советов. Прежде всего Саллюстий ссылается на то, что он с ранней молодости посвятил себя государственной деятельности и изучению жизненных интересов государства как во время мира, так и во время войны. Это и дает ему право обращаться с советами к Цезарю. Попутно Саллюстий набрасывает краткую, но выразительную характеристику Цезаря в апологетическом тоне. Затем он объясняет свою попытку тем, что, отнюдь не считая себя разумнее или опытнее Цезаря, он все же рискует давать ему советы, ибо Цезарь, занятый войной и победами, не имеет времени для устройства внутренних дел государства. И, наконец, что особенно существенно, Саллюстий ссылается на то, что эта попытка есть результат его твердой уверенности в намерениях Цезаря, которые не могут ограничиваться только отражением неприятеля, по несомнению, должны идти дальше и затрагивать основные вопросы в жизни общества и государства (II, 2).

Саллюстий, видимо, верит в то, что историческая миссия Цезаря заключается в возрождении Римской республики. Этот взгляд Саллюстия на историческую роль Цезаря и определяет его отношение к нему в данный период²

¹ Sall., Epp., II, 11: «igitur duabus rebus confirmari posse senatum puto: si numero auctus per tabellam sententiam feret».

² Sall., Epp., II, 12: «sed me illa magis cupido exercet, ut quocumque modo quam primum res publica adiutetur. Libertatem gloria cariorem habeo, atque ego te oro hortorque, ne clarissimus imperator, Gallica gente subacta, populi Romani summum

В период написания раннего «Письма» Саллюстий, очевидно, действительно перял в то, что Цезарь является тем единственным человеком, единственным государственным деятелем в Риме, который может реформировать Римское государство в желательном для него направлении. Так решал Саллюстий вопрос о том, кто возродит государство.

Анализ более раннего «Письма» к Цезарю дает некоторую цельную картину политических воззрений Саллюстия в определенный период их развития, некую политическую «систему» Саллюстия. Эта «система» включает в себя изложение политического идеала Саллюстия (идеала государственного устройства), затем негативную сторону его политической программы (изображение картины упадка общества, анализ причин упадка) и, наконец, позитивную часть программы (пути реставрации государства, т. е. как восстановить — проекты реформ, и кто должен восстановить — историческая роль Цезаря).

Теперь следует дать общую принципиальную оценку этой политической «системы» Саллюстия и, в первую очередь, его политического идеала.

Политический идеал Саллюстия» заключается, как уже известно, в таком государственном устройстве, которое существовало в некий определенный период римской истории, т. е. в период «золотого века», когда Рим не превратился еще в мировую державу. Это идеальное государственное устройство выражено в данной самим Саллюстием формуле: «сенат — народ» при соответствующем разграничении функций между обоими членами формулы (сенат управляет, а народ под его мудрым руководством занимается полезной деятельностью). Таков политический идеал Саллюстия, и он уже охарактеризован выше как консервативно-республиканский.

Стремление Саллюстия к восстановлению обычаев и институтов «золотого века» республики, вера в то, что только этим путем может быть достигнуто истинное обновление государства, есть внешнее проявление более глубоко скрытых идей, идей, столь характерных для античного мыслителя.

Для Саллюстия, как и для большинства его современников, понятия «государство» и «Рим» были еще понятиями идентичными. Идея государства воплощалась для него в полисе, его политическим идеалом было государственное устройство Рима-полиса, т. е. Саллюстий призывал вернуться к уже пройденному историческому этапу. В этом и заключалась консервативность его политического идеала.

Замечательно, что Саллюстий обостренно ощущал противоречие, возникшее в результате выхода Рима за рамки полиса и превращения его в мировую державу. Эта коллизия была для Саллюстия противоречивой и полной драматизма. Совершенно недвусмысленно говорит он о превращении Рима в мировую державу, как о начале конца Рима. Разрушение Карфагена оказалось той гранью, которая была столь неосмотрительно перейдена, и с этого момента судьба начинает безудержно изливать свой гнев на Римское государство.

Следует дать, хотя бы в нескольких словах, оценку программы реформ Саллюстия. Прежде всего нужно отметить, что выдвигаемый им в данном «Письме» план реформ — отнюдь не поверхностный план более или менее случайных мероприятий, даже не ближайших практических задач, но план систематического переустройства современного ему римского государства. Выполнение этого плана, по мнению Саллюстия, должно было возродить Рим предков, Рим-полис.

Но именно в силу этих принципиальных установок Саллюстия план его реформ оказался нереальным и утопичным. Облегчивший ход исторических событий, столь отличный от тех путей и направлений, которые намечались Саллюстием, показал, какая пропасть существовала между этими утопическими проектами и реальными политическими нуждами Римской империи в процессе ее становления. Наиболее ярко и наглядно это противоречие может быть вскрыто путем анализа внутривнутриполитической деятельности

atque invictum imperium tabescere vetustate ac per summam socordiam dilabi patiaris»; 13: «si vero urbem amplissimo nomine et maximo imperio prope iam ab occasu restitueris, quis te clarior, quis maior in terris fuerit?».

Цезаря, к которому Саллюстий и обращался со своими проектами в период между написанием более раннего и более позднего «Письма», т. е. между 51 и 46 гг. до н. э.

До битвы при Тапсе Цезарь мог заниматься внутренними реформами только урывками, только во время тех кратких передышек между походами, когда он бывал в Риме. Однако нельзя не удивиться чрезвычайной интенсивности реформаторской деятельности Цезаря, и уже его первые мероприятия дают возможность установить основную тенденцию и направление внутривластной деятельности Цезаря, причем есть возможность сравнить ее с программой реформ Саллюстия.

В 49 г., в те шесть-семь дней, что Цезарь пробыл в Риме, им самим не было издано никаких законов; Цезарь, как проконсул, не имел на это права. Но бесспорно, что в этот период или вскоре после его отъезда из Рима принимается *lex Antonia de proscriptorum liberis*, по которому сыновья проскрибированных при Сулле получали гражданские права (*S u e t.*, *Div. Iul.*, 41; *P l u t.*, *Caes.*, 37; *D i o.*, *XLI*, 18; *LXIV* 47; *Caes.*, *BC*, *III*, 1; *C i c.*, *ad att.*, *IX.*, 14, 2; *X.* 4, 8). За это Цезарь агитировал еще во время своего зидельства. В том же 49 г., по уже по возвращении из Испании, в которой Цезарь узнал о провозглашении его диктатором, он пробыл в Риме еще 11 дней. За это время были проведены выборы, которые открылись под председательством Цезаря (*C a e s.*, *BC III*, 1) и на которых коопсулами были избраны: сам Цезарь и Публий Сервилий Исаврик, а преторами — ближайшие сотрудники и приверженцы Цезаря. Из других мероприятий следует отметить отмену *lex Pompeia de ambitu* (*C a e s.*, *BC*, *III*, 1; ср. *S u e t.*, *Div. Iul.*, 41), в результате чего многие осужденные по этому закону были оправданы и возвращены в Рим. Кроме того, в эти же 11 дней были проведены законы о даровании прав римского гражданства транспаданцам — *lex Iulia de civitate Transpadanis danda*¹, а затем и гадитанцам — *lex Iulia de civitate Gaditanis danda* (*D i o.*, *XLI*, 24; *L i v.*, *Err.*, 110). Но, пожалуй, наиболее существенным мероприятием Цезаря за этот период было проведение *lex Iulia de pecuniis mutuis* (*S u e t.*, *Div. Iul.*, 42; *C a e s.*, *BC*, *III*, 1; *D i o.*, *XLI*, 37; *A p p.*, *BC*, *II*, 48; *P l u t.*, *Caes.*, 37), по которому Цезарь пытался удовлетворить кредиторов тем, что имущество должников, оцененное специальными посредниками или арбитрами по ценам довоенного времени, поступало во владение кредиторов. Этим же законом запрещалось иметь более 15 000 денариев (60 000 сестерциев) наличным (D i o., XLI, 38), излишек над этой суммой должен был пускаться в оборот.

Перед отъездом из Рима Цезарь провел раздачу хлеба (*A p p.*, *BC*, *II*, 48) и в первой половине декабря уехал к армии. Как известно, во время Александрийской войны и затем войны с Фарнаком внутреннее положение в Риме было крайне напряженным. Попытка организации восстания Целлем и Милоном, а также восстание под руководством Долабеллы — все это говорило о неустойчивости новых порядков и угрожало прежде всего положению и власти самого Цезаря.

Однако последующие мероприятия Цезаря являются логическим развитием его внутривластной деятельности 49 г. и продолжают ту же линию. После битвы при Фарсале Цезарь возвращает Фессалии автономию, а позднее, задержавшись на некоторое время в Азии, дарует свободу князьям и слагает одну треть налогов с населения провинции Азии (*P l u t.*, *Caes.*, 48; ср. *D i o.*, *XLII*, 6; *A p p.*, *BC*, *IV*, 5). Вернувшись летом 47 г. в Рим, Цезарь не только не награждает Антония за жестокое подавление восстания Долабеллы, но с этого момента начинается его охлаждение к Антонию, и ближайшие мероприятия Цезаря по существу являются, хоть частичной и компромиссной, но все же реализацией программы Долабеллы.

Об этом свидетельствует *lex Iulia de merceditibus habitationum annuis* (*D i o.*, *XLII*, 51; *S u e t.*, *Div. Iul.*, 38), по которому годовая плата за квартиру была снижена в Риме на 2000 сестерциев, а в других городах Италии — на 500 сестерциев. Что касается вопроса об отмене долгов, то хотя Цезарь и отказывается снова от радикального раз-

¹ *D i o.*, *XXXVII*, 9; *XLI*, 36; ср. *T a c.*, *Ann.*, *XI*, 24. Это, кстати говоря, первый случай распространения прав римского гражданства на целую провинцию.

решения этой проблемы и не удовлетворяет желаний относительно *tabulae povae*, но теперь закон *de pecuniis mutuis* получает такое толкование, что из оцененного имущества, которым расплачивались должники, в их пользу высчитывались уплаченные уже проценты (т. е. проценты зачислялись в счет погашения долга). Вследствие этого кредиторы теряли около одной четверти сумм, на которые они высказывали притязания (*S u e t.*, *Div. Iul.*, *D i o*, XLII, 51). Эти мероприятия были дополнены появлением *lex Iulia de modo credendi et possidendi intra Italiam* (*D i o*, XLI, 38; *T a c.*, *Ann.*, VI, 16), по которому предлагалось вкладывать часть капиталов в земельное имущество. Как и в 49 г., так и теперь, Цезарь доолюняет свои мероприятия по разрешению долговой проблемы мероприятиями, содействующими обращению капиталов.

В 47 г., перед отъездом на Африканскую войну, Цезарь пробыл в Риме два с половиной месяца, и за это время им был проведен еще *lex Iulia de sacerdotiis* (*D i o*, XLII, 51; ср. *C i c.*, *ad fam.*, XIII, 68, 2), по которому увеличивалось число авгуров, понтификов и квиндецемвиров. Число преторов, эдилов и квесторов было также увеличено на основании *lex Iulia de praetoribus decem creandis* (*S u e t.*, *Div. Iul.*, 41; *D i o*, XLII, 51), который доводил число преторов с 8 до 10. Новые вакансии были заполнены сторонниками Цезаря. Своих приверженцев из всаднического сословия, равно как и некоторых центурионов, он вводит в сенат взамен умерших сенаторов при предпринятой им, как диктатором, *lectio senatus* (*S u e t.*, *Div. Iul.*, 41; *D i o*, XLII, 51; *P s. C a e s.*, VA, 28). В это время и был снова принят в состав сената Саллюстий, возвратившийся из своей неудачной экспедиции в Иллирию и назпаченный претором (*D i o*, XI, 52).

Таковы основные реформы Цезаря, проведенные им в период от начала гражданской войны до битвы при Тапсе. Теперь необходимо выяснить, в каком соответствии находятся изложенные мероприятия Цезаря с реформаторскими планами Саллюстия, известными нам из раннего «Письма».

Программа реформ Саллюстия, как уже было показано, сподилась к мероприятиям по «возрождению сената и народа». В плане возрождения народа основными предложениями были: вывод смешанных поселений, уничтожение незаслуженных привилегий, доставляемых богатством, выборность судей народом из граждан первого класса, изменение порядка голосования при выборах. В плане возрождения сената основными предложениями были: увеличение числа сенаторов, введение в сенат тайного голосования.

Нетрудно убедиться, что реформы, проведенные Цезарем, не только не совпадают с предложениями Саллюстия, но иногда прямо противоречат смыслу Саллюстиевых проектов. Саллюстий, например, говорит о выводе смешанных поселений; Цезарем за это время не выведено ни одной колонии. Позднее, когда Цезарь стал выводить колонии, основное требование Саллюстия, т. е. принцип смешения, не выполнялось; Цезарь, таким образом, не придавал этому мероприятию того глубокого внутреннего смысла, который вкладывался в него Саллюстием.

Саллюстий говорит об уменьшении любви к деньгам и уничтожении привилегий, доставляемых богатством, но способы, которыми Цезарь пытался регулировать долговую проблему, были тесно связаны с мероприятиями, содействующими обращению капиталов, и говорят о совершенно иной линии Цезаря в этом вопросе. Не снижение роли и значения денег, а, наоборот, открыто плутократический характер законодательства, — вот что характеризует финансовую политику Цезаря.

Саллюстий предлагает выбирать судей из граждан первого класса, Цезарь до 46 г. никак не затрагивает этого вопроса, но зато известно, что позже, в 46 г., им была уничтожена в судах декурия эрарных трибунов (*D i o*, XLIII; 25; *S u e t.*, *Div. Iul.*, 41; *C i c.*, *Phil.*, I, 8, 19), и суды снова стали достоянием лишь сенаторов и всадников.

Наконец, Саллюстий говорит о выборности магистратур по жребью, Цезарь же фактически отменяет самую выборность и раздает магистратуры по своему усмотрению.

Таким образом, проекты реформ Саллюстия по «обновлению народа» не только не осуществлялись, но был предпринят ряд мер, резко противоположных этим проектам.

Следовательно, у Цезаря было свое понимание роли народа, свое отношение к народу, отличное от взглядов на этот вопрос Саллюстия.

Что касается пресектов реформ Саллюстия в плане «возрождения сената», то здесь противоположность мероприятий Цезаря выражена не менее ярко. Прежде всего самая идея укрепления власти сената была глубоко чужда Цезарю, повышение авторитета сената никак не входило в его расчеты. Это настолько очевидно, что не нуждается в особых доказательствах. Относительно предложения Саллюстия об увеличении числа сенаторов необходимо иметь в виду, что хотя такое увеличение Цезарем и было проведено, однако оно предпринималось им с совершенно иной целью, с целью ослабления самостоятельности и значения сената. Поскольку сенат пополнялся лишь креатурами Цезаря, эта цель легко достигалась. Таким образом, если выше говорилось об отличном от Саллюстия понимании Цезарем роли народа, то здесь можно говорить о коренном различии между Саллюстием и Цезарем в понимании роли сената.

Итак, деятельность Цезаря в период между написанием раннего и позднего «Писем» могла убедить автора этих произведений, что программа реформ, изложенная им в более раннем «Письме», не встречает отклика. Саллюстий не мог, конечно, понимать того, что это совершенно закономерное явление. Между тем закономерность этого явления становится совершенно понятной, если уяснить себе принципиальную линию, принципиальное направление реформаторской деятельности Цезаря.

Основной идеей, пронизывающей всю реформаторскую деятельность Цезаря, была идея организации могущественной Римской державы. Об этом свидетельствует и размах самих реформ и общее направление их и даже та интенсивность, с какой эти реформы проводились. Об этом свидетельствуют и те пути, которые были избраны Цезарем для осуществления намеченной цели. Можно говорить о двух тенденциях в реформаторской деятельности Цезаря, которые с очевидностью и которых определяют направленность отдельных реформ. Это, во-первых, стремление Цезаря к объединению государства и уравнению в правах всего свободного населения, во-вторых, стремление к переустройству и совершенствованию государственного аппарата, созданию сильной централизованной власти.

Уравнивательная тенденция подтверждается такими мероприятиями, как дарование прав гражданства транспаданцам и гадитанам, возвращение автономии Фессалии, дарование независимости кидьянам и сложение части налогов с населения Азии¹.

Стремлением к установлению прочной централизованной власти продиктованы мероприятия по увеличению числа магистратов, членов жреческих коллегий и, наконец, меры по ослаблению значения и авторитета сената, которые выразились в проведенной Цезарем *lectio senatus*.

Эти две тенденции и определяют принципиальное направление всей внутривнутриполитической деятельности Цезаря. Как основная идея реформаторской деятельности Цезаря, так и пути ее осуществления были совершенно чужды и враждебны принципам Саллюстия.

Если для Саллюстия идеалом, к которому он стремился, было возрождение Римского полиса, то идеалом Цезаря было создание могущественного централизованного государства. Если Саллюстий необходимым условием для достижения своего идеала полагал укрепление сената и восстановление его авторитета, то Цезарь, наоборот, считал ослабление сената необходимым условием централизации власти. И, наконец, если Саллюстий стремился к «возрождению римского народа» путем организации смешанных поселений и фактического участия его в государственной жизни (хотя и на весьма ограниченных условиях), то Цезарь заботился лишь об уравнении всего свобод-

¹ Сюда же, конечно, следует отнести и более поздние мероприятия Цезаря: *lex Julia municipalis* (CIL, I, 206; C. i. s., ad fam., VI, 8, 11), проведение ценза по Италии (D i o, XLIII, 25) и т. п.

ного населения в правах, отнюдь не помышляя о допущении этого населения к управлению государством.

Политика Цезаря по отношению к римскому плебсу была политикой типичного демагога. Цезарь понимал необходимость опоры на низшие слои римского гражданства, но привлекать эти народные массы к делу управления государством он вовсе не стремился. Отсюда чисто демагогическая политика Цезаря в этот период, «подачки» городскому плебсу для завоевания популярности, для «опоры», отсюда щедрые награды и раздачи во время триумфов, отсюда характерные попытки регулирования долговой проблемы, отношение к мятежу Долабеллы и пр. Но как только дело касается политических прав и участия в государственной жизни, сразу бросается в глаза антидемократический характер мероприятий Цезаря. К таким мероприятиям следует отнести и *lex Iulia iudiciaria* и эдикт о роспуске Клодиевых коллегий. В этом суть «популярной политики» Цезаря — политики демагогических подачек при постепенном вытеснении народных масс из сферы государственной жизни.

Итак, Саллюстий на опыте реформаторской деятельности Цезаря за этот период мог достаточно наглядно убедиться в том, что его предложения не нашли отклика. Для того чтобы выяснить, как воспринял Саллюстий расхождение деятельности Цезаря со своей политической программой и как он реагировал на это расхождение, необходимо обратиться к более позднему «Письму», написанному в тот период, когда это расхождение обнаружилось достаточно ярко и когда, в основном, уже определилось направление внутривнутриполитической деятельности Цезаря.

Позднее «Письмо» Саллюстия к Цезарю по своему содержанию, по своим основным идеям и даже по манере изложения существенно отличается от более раннего.

В этом «Письме» также набрасывается картина упадка общества, характерные черты которой рассыпаны по всему произведению (например, Ерр., I, 5, 7). Главное внимание в этом позднем «Письме» Саллюстий уделяет ужасам междоусобной войны, описанию которой посвящена целиком глава 4¹.

Картина разложения общества в более позднем «Письме» лишается той стройности и законченности, которая характерна для раннего «Письма»; это скорее ряд отдельных и торопливых мазков, ряд фактических примеров. Но и эти фактические примеры не систематизированы, не подобраны так, чтобы они могли служить иллюстрацией к определенным теоретическим положениям автора, как то было сделано в раннем «Письме». Изображение состояния римского общества в более позднем «Письме» носит на себе печать торопливости и растерянности, а по существу картина разложения римского общества совершенно вытеснена рассказом об ужасах междоусобной войны, которые и привлекают все внимание Саллюстия. Можно только еще отметить сугубое подчеркивание безнравственности, царящей в Риме, — лейтмотив всех описаний в более позднем «Письме».

Картина разложения в раннем «Письме» была несравненно более полной и убедительной. Кроме того, она была более «обоснованной», ибо она «увязывала» разложение общества с «развращенностью народа и слабостью сената», т. е. в какой-то степени отражала «систему» Саллюстия, логически вытекающая из нее.

Анализ причин упадка находится в главе 7 позднего «Письма». Саллюстий рассказывает здесь, что специальные занятия и размышления о причинах возвышения или гибели отдельных выдающихся людей, народов и государств убедили его в том, что

¹ S a l l., I, 4: «heu quam illa occulta civium funera et repentinae caedes, in parentum aut liberorum sinu fuga mulierum et puerorum, vastatio domuum ante partam a te victoriam saeva atque crudelia erant!... neque enim te praeterire puto, quali quisque eorum more aut modestia etiam tum dubia victoria sese gesserit quoque modo in belli administratione scorta aut convivia exercuerint nonnulli, quorum aetas ne per otium quidem tales voluptates sine dedecore attingerit».

причиной возвышения всегда было презрение к богатству, а причиной падения — страсть к деньгам, корыстолюбие. Достичь истинного величия как для отдельного человека, так и для государства возможно лишь одним путем, путем нравственного самоусовершенствования (I, 7).

Таким образом, в позднем «Письме» причинами упадка уже оказываются моральное несовершенство, нравственное разложение римских граждан. В этих кратких формулировках по существу дана в зародыше Саллюстиева теория упадка нравов. В зародыше потому, что позднее «Письмо» еще не дает ответа на вопрос о том, кто же является конкретным носителем зла, по чьей вине произошло разложение общества. Саллюстий еще оперирует общими и отвлеченными категориями, которые не являются пока атрибутами той или иной прослойки, а бытуют в римском обществе вообще.

Следует ознакомиться и с позитивной программой, т. е. с проектами реформ в более позднем «Письме». Поскольку причиной упадка и разложения государства является непомерная алчность, то в первую очередь Саллюстий предлагает уничтожить роскошь и любовь в деньгам. Крайне характерно, что сделать это, по мнению Саллюстия, путем восстановления древних законов и обычаев для современного общества, в силу крайнего его разложения, уже невозможно (I, 5). Поэтому существует лишь один выход, который Саллюстий и предлагает. Для того чтобы каждый довольствовался своим, следует уничтожить ростовщичество¹. Саллюстий понимает всю затруднительность проведения подобного проекта в жизнь, но интересы государства настоятельно требуют такой меры, и поэтому выполнить это необходимо (I, 6).

Затем идет ряд второстепенных предложений, которые Саллюстий только перечисляет «оптом», даже не давая себе труда развить и обосновать их. Тут и уничтожение торга должностями, который, впрочем, прекратится сам собою, когда будет уничтожена любовь к деньгам, тут и меры по обеспечению безопасности в Италии, и регулирование срока военной службы, и предложения относительно раздачи хлеба ветеранам (I, 8).

Этими предложениями исчерпывается новая программа реформ Саллюстия, изложенная им в позднем «Письме». Если ее сравнивать с программой реформ более раннего «Письма», то прежде всего бросается в глаза неглубокий, неприципиальный характер новых проектов Саллюстия. Проекты реформ раннего «Письма», как и было нами отмечено, являлись планом основательного переустройства всего государства, проекты же реформ позднего «Письма» носят несравненно более поверхностный характер. Это всего навсего ближайшие шаги, ближайшие практические мероприятия. Даже основное и наиболее серьезное, с точки зрения самого Саллюстия, предложение об уничтожении роста вовсе не требует переустройства государства, а вполне укладывается в рамки «существующего строя». В этом и заключается коренное отличие новых реформ Саллюстия от плана реформ раннего «Письма».

Следует еще отметить отсутствие систематизации реформ и единой целевой установки, в то время как план реформ более раннего «Письма» был поставлен на службу определенной цели, а именно возрождению Рима, как полиса. Как и на картине разложения римского общества, данной в позднем «Письме», так и на программе реформ лежит печать торопливости, отрывочности и растерянности. Это не случайное явление: очевидно, в позднем «Письме» эти разделы имеют уже второстепенное, побочное значение, и центр тяжести перенесен автором на нечто иное. В связи с этим следует перейти к чрезвычайно интересному вопросу, для выяснения которого позднее «Письмо» дает обильный и весьма характерный материал, — к вопросу об отношении Саллюстия к Цезарю.

Обращения Саллюстия к Цезарю в позднем «Письме» составляют добрую половину всего произведения. Это не только обращения, это — уговоры, заклинания, умали-

¹ S a 11., Epp., I, 5: «quare tollendus est fenerator in posterum, uti suas quisque res curemus».

пания. Уже одно это обстоятельство — самое обилие уговариваний — внушает мысль о том, что Саллюстий, очевидно, на основании опыта был далеко не уверен в том, что Цезарь последует его советам.

Позднее «Письмо» также начинается с традиционной *captatio benevolentiae* и с восхваления заслуг Цезаря, но, однако, в самом начале имеется некий замаскированный намек и даже опасение, которые можно отнести на счет самого Цезаря. Говоря о том, что всякий человек, стоящий на вершине могущества, как бы он ни был добр и милосерд, все же внушает опасение тем, что может употребить свою власть во зло, Саллюстий объясняет, почему это так бывает. Причиной подобных опасений является пример многих могущественных людей, которые неправильно считают свою власть тем прочнее, чем более ничтожны те, кем они управляют¹. Правда, Саллюстий сразу же переходит к тому, что Цезарю, наоборот, следует стремиться к возможности управлять «лучшими», но весьма возможно, что Саллюстия на подобное указание толкнуло направление и характер деятельности Цезаря в первые же годы гражданской войны.

Затем Саллюстий всячески подчеркивает «*beneficia*» Цезаря, его кротость во время войны, его отношение к побежденным соотечественникам (I, 1). Он призывает Цезаря к проведению подобной же политики и в дальнейшем, но самая настойчивость этих призывов заставляет думать, что Саллюстий скорее ожидает обратного (I, 3—4; 6 и т. д.).

Небезынтересно отметить описание лагеря Цезаря, который изображен отнюдь не в радужных красках. Сюда, по словам Саллюстия, стекается весь сброд, все те, кто погряз в пороках и преступной роскоши, все те, кто мечтает подорвать «общественный порядок»². Опять таки Саллюстий указывает, что Цезарь не дает воли порочным страстям и склонностям этих людей, вследствие чего многие уже покинули его лагерь, но все же некоторые остаются и как раз такие, для кого лагерь является надежным прибежищем от их кредиторов (I, 2). Все это выглядит как попытка Саллюстия в замаскированной форме подвергнуть Цезаря критике.

Далее Саллюстий снова переходит к рассуждениям на тему о том, что власть, основанная на жестокости, непрочна и тягостна, ибо тот, кто внушает страх многим, тот и сам живет в постоянном страхе. В противовес этому властитель, который управляет милостиво и снисходительно, имеет прочную, спокойную власть (I, 3). Саллюстий всячески старается сделать тезис о милостивой власти наиболее убедительным, и вся картина ужасов гражданской войны в главе 4 должна служить наглядным и красочным подтверждением этой мысли. В главе 6 Саллюстий снова заклинает Цезаря употребить все могущество на пользу отечества, не прибегать к суровым приговорам и казням, но проявить истинное милосердие — *vera clementia* — и позаботиться, в первую очередь, о воссоздании нравственности среди молодого поколения³.

Итак, все позднее «Письмо» пронизано призывами к Цезарю не обратить во зло завоеванную им власть, но воспользоваться ею с милосердием, употребив ее на восстановление добрых нравов в Римском государстве.

Отношение Саллюстия к Цезарю ко времени написания более позднего «Письма» изменилось. Если на основании раннего «Письма» можно было сделать вывод о том, что Цезарь был тогда для Саллюстия единственной фигурой, единственным деятелем, который мог провести реформу государственного строя, и Саллюстий, очевидно, воз-

¹ S a l l., Epp., I, 1: «ideo evenit, quia plerique rerum potentes pervorse consulunt et eo se munitiores putant, quo illi, quibus imperitant nequiores fuerent».

² S a l l., Epp., I, 2: «per idem tempus maledictis iniquorum occupandae rei publicae in spem adducti homines, quibus omnia probro ac luxuria polluta erant, concurrere in castra tua»....

³ S a l l., Epp., I, 6: «neque quisquam te ad crudeles poenas aut acerba iudicia invocat, quibus civitas vastatur magis quam corrigitur, sed ut pravas artis malasque libidines ab iuventute prohibeas».

лагал на него определенные надежды в этом отношении, то сейчас, в эпоху позднего «Письма», можно говорить о неуверенности Саллюстия в Цезаре, о его растерянности, о разочаровании его в личности и деятельности Цезаря. Это подтверждается ожиданием проскрипций, которое ясно ощущается в «заклинаниях» Саллюстия, это подтверждается самим обилием подобных «заклинаний», это проскальзывает в осторожных и замаскированных намеках по адресу Цезаря.

Таким образом, политические воззрения Саллюстия в эпоху написания более позднего «Письма» претерпевают существенное изменение. Саллюстий, как было указано, отходит от своей прежней политической «системы», а следовательно, отказывается и от конкретных выводов из нее (например, изменяется программа реформ). Позднее «Письмо» отражает этот переходный момент в развитии политических воззрений Саллюстия. В этом заключается основное значение позднего «Письма».

Итак, многие из прежних убеждений, прежних взглядов и симпатий Саллюстия терпят крах. Но так как этот крах есть следствие весьма конкретных причин, а именно событий 50—46 гг., то весьма понятно желание Саллюстия как-то отойти от этой конкретной действительности, приносящей только разочарование, понятна тяга к абстрактным построениям и учению о нравственном самоусовершенствовании и об упадке нравов, как о причине гибели и отдельных личностей и целых народов. Вот этим частичным отказом от старых убеждений, неуверенностью и растерянностью, тягой к абстракциям характеризуется изменение политических воззрений Саллюстия в эпоху написания им более позднего «Письма».

Однако в заключение необходимо сказать, что подобное состояние политической растерянности и протрации было для Саллюстия лишь переходным и временным явлением. Саллюстий отнюдь не превратился в бесстрастного и разочарованного свидетеля событий, в «надпартийного» созерцателя. Наоборот, крушение прежних идеалов привело его в иной лагерь. Он перестраивает свою «систему» и приходит к новым выводам. Итогом развития политических воззрений Саллюстия является его последнее произведение, т. е. «Истории».

«*Historiarum libri V*» сохранились до настоящего времени далеко не полностью. Наиболее крупными фрагментами являются четыре речи и два письма, находящиеся в той же рукописи Vat. 3864, которая сохранила и «Письма к Цезарю». Сохранилось в рукописях (*fragmenta Vaticanum, Berolinense, Aurelianense* и т. д.) и у древних авторов некоторое число более мелких фрагментов. Сюда еще следует присоединить *epitome Юлиа Эксуперанция* (IV или V в.).

Историческое произведение Саллюстия было продолжением аналогичного труда Сисепсы, закончивавшегося смертью Суллы. Содержание «Историй» Саллюстия охватывало двенадцатилетний период, начиная от 78 г. и кончая 66 г. (A u. s., Idd., IV, 6). Этот сравнительно небольшой исторический отрезок тем не менее заполнен важнейшими событиями римской истории. Именно в течение этого двенадцатилетия произошли: восстание Лелида, война с Серторием в Испании, великое восстание рабов под руководством Спартака и, наконец, третья Митридадова война. Но, к сожалению, фрагменты исторического труда Саллюстия, относящиеся к перечисленным событиям, настолько лапидарны, что они почти ничего не могут прибавить к тому, что известно из других источников. В особенности приходится пожалеть об утрате первоклассного источника по истории Спартаконского восстания, тем более, что Саллюстий, в отличие от большинства античных историков, сочувственно относился, во всяком случае, к личности руководителя этого движения рабов.

Но и в том, весьма фрагментарном состоянии, в котором «Истории» сохранились до настоящего времени, они представляют значительный интерес и являются, в частности, незаменимым источником при изучении и анализе развития политических воззрений Саллюстия.

«Истории», видимо, были написаны в конце 40-х или в начале 30-х гг. Таким образом, между написанием более позднего «Письма к Цезарю» и последним литературным произведением Саллюстия существует промежуток в 6—8 лет. Это сравнительно

небольшой срок, но не следует забывать, что он весьма богат событиями, как, впрочем, и вся эта бурная эпоха.

На этот период падает смерть Цезаря, новое обострение гражданской войны, образование второго триумvirата и борьба за власть двух основных претендентов: Антония и Октавиана.

Даже если смысл и историческое значение происходящих событий не могли быть вполне ясны их современникам и, в частности, Саллюстию, то все же они были настолько значительны, что не могли не оказать своего влияния на политические воззрения и позиции представителей самых различных прослоек господствующего класса. Мы попытаемся установить, каково было влияние этих событий на Саллюстия, которого мы также склонны рассматривать как представителя определенной классовой и политической группировки.

В буржуазной науке политические воззрения Саллюстия рассматриваются в отрыве от их классовой основы, рассматриваются статично, вне процесса их развития. Результатом подобного метода является приклеивание римскому историку ярлыка либо «цезарианца» (Моммзен, Эд. Шварц), либо «антицезарианца» (Scard), приписывание Саллюстию устойчивых и неизменных воззрений на всем протяжении его литературной деятельности.

Конечно, подобный метод приводит к односторонним и совершенно неправильным выводам. Саллюстий, в смысле определенных политических взглядов и симпатий, в период «Писем к Цезарю» совсем не то, что Саллюстий периода «Югуртинской войны» или «Историй». Подобное изменение, конечно, есть результат длительного, динамического и противоречивого процесса, обусловленного в первую очередь конкретным ходом классовой борьбы в Риме эпохи гражданских войн.

В данной статье нет возможности изучить процесс развития политических воззрений Саллюстия во всей его сложности и многообразии. Но даже те отдельные наблюдения, которые были сделаны в настоящей статье по отношению к «раннему» Саллюстию, т. е. Саллюстию эпохи «Писем к Цезарю», как кажется, могут дать возможность прийти к определенным выводам о существенном изменении политических воззрений римского историка в последний период его литературной деятельности.

Наибольший интерес в этом отношении представляет ознакомление с фрагментами исторического экскурса (или экскурсов), введенного по примеру «Заговора Катилины» (6—12) или «Югуртинской войны» (41—42), и в «Истории». Насколько можно судить по сохранившимся отрывкам, этот последний экскурс был насыщен острым политическим содержанием и духом партийной борьбы.

Уже в одном из первых фрагментов Саллюстий оказывается принадлежащим к определенной партии в ходе гражданской войны¹. Следующий большой фрагмент начинается с указания на то, что хотя Римское государство обладало наибольшей мощью и наибольшими территориальными размерами в консульство Сервия Сульпиция и Марка Марцелла (т. е. в 51 г. до н. э.), однако наилучшие нравы и наибольшее согласие среди римского народа царили в период между Второй и Третьей Пуническими войнами (Hist., I, fr. 11). Этот период господства добрых нравов и гражданского мира, очевидно, идентичен эпохе «золотого века», описание которой дано в историческом экскурсе «Заговора Катилины» (7—9). Однако в этом последнем экскурсе «золотой век» не ограничен столь узкими хронологическими рамками, как пятидесятилетие между двумя Пуническими войнами.

Кроме того, исследуемый фрагмент интересен тем, что он представляет собой общий обзор римской истории, изложенной с определенных политических позиций и под определенным углом зрения. Саллюстий говорит о несправедливостях и притеснениях «сильных людей», что являлось причиной разрыва между патрициями и плебеями. Эти раздоры имели место с самого начала существования Римского государства².

¹ Sall., Hist., I, fr. 6: «neque me diversa pars in civilibus armis movit a vero».

² Sall., Hist., I, fr. 11: «nam iniuriae validiorum et ob eas discessio plebis a patribus aliaque dissensiones domi fuere iam inde a principio...».

Затем в данном фрагменте следует история борьбы сословий и описание бесправного, рабского положения плебеев. Патриции, говорит Саллюстий, стали угнетать плебс деспотическим управлением: распоряжались их жизнью и личной неприкосновенностью по образцу царей. Они стогнали плебеев с земель и, отстранив всех других, стали одни управлять государством¹.

Это положение неминуемо должно было привести к борьбе плебса за узурпированные у него права. Саллюстий рассказывает, что плебеи, возмущенные подобными жестокостями, а в особенности подавленные бременем долгов (ибо при непрерывных войнах именно они и несли все тяготы военной службы и денежного обложения), вооружившись, заняли Священную гору и Авентин. Это выступление имело успех: именно тогда плебс добился создания должности народных трибунов и различных других прав и привилегий (Hist., I, fr. 11).

Предел этой внутренней борьбе был положен Второй Пунической войной: «discordiarum et certaminis utrimque finis fuit secundum bellum Punicum» (там же). Тогда и наступает уже упоминавшийся пятидесятилетний период мира и процветания, который здесь Саллюстием никак не описывается². Но зато в данном отрывке подробно развивается и аргументируется учение о *metus hostilis*, как единственном сдерживающем начале. Саллюстий на протяжении исторического экскурса неоднократно подчеркивает ту мысль, что только страх перед внешним или внутренним врагом — будь то Тарквиний, или этруски, или, наконец, Карфаген, — сдерживал развитие пороков и раздоров в Римском государстве. Но теперь, когда последняя угроза, или, вернее, последнее сдерживающее начало — Карфаген — пал, исчезает *metus hostilis*, и теперь даже самые благоприятные обстоятельства обращаются во вред. Загнаные внутрь пороки, *lubidines*, в том числе наихудшие из них — раздоры, алчность, честолюбие — вырываются на волю: «at discordia et avaritia atque ambitio et cetera secundis rebus oriri sueta mala post Carthaginis excidium maxime aucta sunt» (там же).

Следующий фрагмент развивает те же основные положения Саллюстия о *metu hostilis*, о незаконном захвате власти и торжестве олигархической группы нобилитета. Здесь говорится о том, что после исчезновения *metus Punicus* возникла возможность снова вернуться к внутренним спорам. Следствием этого явились мятежи, восстания и, под конец, гражданские войны, так как олигархическая группа (*pauci potentes*), в зависимость от которой попало множество людей, стремилась к господству над этими людьми. С этого времени граждане стали причисляться к добрым или дурным независимо от своих заслуг перед государством — ибо все одинаково были испорчены, — но добрыми гражданами стали считаться наиболее богатые и сильные своими несправедливыми действиями, потому что они защищали существующий строй. И, наконец, в последних фрагментах исторического экскурса Саллюстий резко бичует подкупность парггй: «omnium partium decus in mercedem corruptum erat» (I, fr. 43) и общую развращенность, царящую в римском обществе, в первую очередь, среди молодежи (I, fr. 16).

Таково, в основном, содержание исторического экскурса «Историй».

Но особенно замечательной в «Историях» является новая тенденция, которая уже становится вполне ощутимой в только что разобранных фрагментах. Это — новое понимание «роли народа». Когда Саллюстий говорит о бесправном положении плебса, о незаконном захвате власти кучкой олигархов, когда он описывает борьбу плебеев за политические права, — трудно сомневаться, на чьей стороне находятся его симпатии (Hist., I, fr. 12). Дальнейший анализ фрагментов «Историй» может убедить в том, что эта тенденция отнюдь не случайна и что это не только тенденция, но новое и сложившееся воззрение. Саллюстий выступает перед нами в этот период

¹ Sall., Hist., I, fr. 11: «dein servili imperio patres plebem exercere, de vita atque tergo regio more consulere, agro pellere et ceteris expertibus soli in imperio agere».

² Это утверждение является предположительным, ибо в тексте имеется лакуна, которая, возможно, соответствует описанию «золотого века».

как один из последних представителей и идеологов римской демократии. Такой итог развития его политических воззрений, тесно связанный с ходом классовой борьбы в римском обществе.

Но, конечно, и в этом необходимо сразу же оговориться, «демократизм» Саллюстия чрезвычайно условен и ограничен. Прежде всего это демократизм типичного представителя рабовладельческого класса, для которого в понятие «народ» включается лишь сравнительно узкая и, по существу говоря, все же привилегированная группа свободного населения, т. е. его средние слои. Не говоря уже о том, что основная масса производителей — рабы, конечно, не включались в понятие «народ», Саллюстий не имел в виду, говоря о народе, и низших, деклассированных слоев свободного населения, которые презрительно называются им *vulgus* и по существу противопоставляются понятиям *plebs* и *populus*. Эти соображения необходимо иметь в виду всегда, когда мы будем говорить о демократических тенденциях Саллюстия, хотя и этот условный и своеобразный демократизм являлся в тех условиях прогрессивным моментом в развитии политических воззрений римского историка.

Теперь следует перейти к изображению картины современного упадка и разложения римского общества. В «Историях» эта картина складывается, как, кстати сказать, и в раннем «Письме» к Цезарю, из характеристики состояния сената и положения народа. Сперва следует остановиться на том, как изображает Саллюстий состояние сената.

Характеристика состояния сената в «Историях» по существу продолжает линию, намеченную по отношению к сенату еще в «Письме к Цезарю» и получившую дальнейшее развитие как в «Заговоре Катилины», так и в «Югуртинской войне». Сенат изображается как учреждение архаическое и бессильное, обреченное на то, чтобы быть жалкой игрушкой в руках нобилитета.

Среди фрагментов «Историй», наряду с тремя речами, обращенными к народу, сохранилась лишь одна речь, произнесенная в сенате, речь Филиппа против Лепида (а также письмо к сенату Помпея). Эти фрагменты, очевидно, не могут дать исчерпывающего материала для суждения о развитии отношения Саллюстия к сенату, однако, во всяком случае, речь Филиппа представляет в этом смысле значительный интерес.

Эта речь, произнесенная в сенате, в то же время является блестящей и инвективной против сената, облеченной во внешне безукоризненную форму. Эта речь как бы подводит итог разоблачительной кампании против сената, которую Саллюстий вел на всем протяжении своей историко-литературной деятельности. В этой речи Саллюстием мобилизован и использован весь арсенал обвинений, выдвигаемых им против сената.

Но, прежде чем перейти к разбору этой речи, следует ответить на вопрос о том, насколько вообще позволительно считать, что взгляды и положения, развиваемые в речах героев Саллюстия, разделяются самим историком.

В подавляющем большинстве случаев введение Саллюстием речей в повествование — лишь прием, лишь предлог для того, чтобы развить собственные взгляды и убеждения. В речах Саллюстий, по существу, говорит от себя. Он, несомненно, понимал функцию речей в историческом повествовании иначе, чем поимали, например, Фукидид (I, 22) или Полибий (XII, 25). Что это именно так, может быть доказано хотя бы тем, что в «Югуртинской войне», политическая установка которой вполне определена и резко выражена, Саллюстий вкладывает речь исключительно в уста воинов и представителей демократии, не противопоставляя им речей, идущих из противоположного лагеря. Правда, как выше указывалось, фрагменты «Историй» сохранили речь Филиппа против Лепида, но и эта речь только может подтвердить высказанное положение, ибо она является развитием основных обвинений сенату, высказанных Лепидом, в то время, как в ней должно было бы содержаться возражение Лепиду. Эти соображения заставляют признать, что основной задачей речей у Саллюстия является развитие политической ситуации, как правило, современной самому Саллюстию и изложенной с его собственной точки зрения. Это отнюдь не исключает того, что во второстепенных и не-прямых речах Саллюстий часто говорит не о себе и даже высказывает противополож-

ные своим собственным убеждениям взгляды (см. например, *Sall., Jug.*, 44; 2; 64, 5; 65, 3; 83, 1; 106, 3).

После этих предварительных соображений мы можем перейти к анализу речи Филиппа.

В самом начале своей речи Филипп, говоря о смутах и опасностях для республики, подвусмысленно обвиняет сенат в том, что он вместо предупреждения этих зол сам раздувает беспорядки и междоусобицы в государстве, превратившись в орудие «худших и зловердных». Таким образом, людям порядочным и благоразумным приходится выполнять то, что постановлено самими негодными и глупейшими людьми (*Hist.*, I, fr. 77, 1—2).

В результате всего этого сенаторы в поисках наживы и покровительства у «сильных» (I, fr. 77, 6, 7) дошли до того, что сами дают оружие и власть в руки врагам отечества и своим собственным. Так, например, Лепиду дарована власть проконсула, и он за все свои преступления перед государством... награжден провинцией! (I, fr. 77, 4).

Вместо непримиримой и беспощадной борьбы с врагами отечества сенат истекает в пустых словопрепнях, противопоставляет враждебным действиям одни лишь слова, на вопиющие нарушения законности, на открытый бунт отвечает лишь посольствами и декретами, с которыми никто не считается. До каких же пор, — восклицает Филипп, — вы, отцы-сенаторы, будете своим промедлением оставлять республику беззащитной и бороться за нее только на словах! (I, fr. 77, 17).

Но таким путем защитить дело мира невозможно, и слабость декретов сената лишь унижает его достоинство и ободряет врагов (I, fr. 77, 3—4). Филипп обвиняет сенат в трусости (I, fr. 77, 13), в мелком эгоизме и полном забвении интересов государства. Мне самому недостаточно ясно, — говорит он, — что с вами: страх ли это, или малодушие, или безумие: кажется, вы все видите это зло, готовое обрушиться на вас подобно молнии, хотите, чтобы оно не поразило никого из вас, но сами даже не пытаетесь ему противодействовать (I, fr. 77, 12).

В заключение Филипп пытается устроить сенаторов напоминанием о Цинне (I, fr. 77, 20—21) и требует решительных действий, указывая на реальные силы, на которые сенат может опереться, говоря, что это дело поддержит «весь побилитет» (I, fr. 77, 20—21).

Такова инвектива против сената, вложенная Саллюстием в уста Филиппу. Здесь действительно использован весь запас Саллюстиевых обвинений против сената, начиная с обвинений, имевших место еще в раннем «Письме» к Цезарю (например, забвение интересов государства в угоду интересам личным и своскорыстным) и вплоть до обвинений, выдвигаемых впервые в более поздних произведениях (например, трусость, предательство, угрождение прагам). Поэтому речь Филиппа как бы доводит до логического конца и подытоживает развитие отношения Саллюстия к сенату.

Теперь нужно перейти к характеристике роли народа в «Историях». Отношение Саллюстия к этому вопросу представляет для данного исследования наибольший интерес и может служить наглядным примером формирования новых политических воззрений Саллюстия. Окончательным итогом формирования этих новых взглядов является речь народного трибуна Лициния Макра, сохраненная в одном из фрагментов «Историй».

В этой речи, а также еще и раньше в «Югуртинской войне», в речи Меммия, Саллюстий по-новому решает вопрос о месте народа в государстве и о его роли в деле управления государством. Меммий говорит народу, что ему не подобает быть на положении рабов, ибо вся власть по праву должна принадлежать народу: «vos, Quirites, imperio nati, aequo animo servitutem toleratis» (*Jug.*, 31, 11—12). Но это пока лишь «постановка вопроса». Дальнейшее развитие и разрешение вопрос об «imperium народа» получает впервые в «Историях» в речи Лициния Макра¹.

¹ Словоупотребление Саллюстия и использование им терминов *populus*, *plebs*, *multitudo*, *Quirites* (см., например, *Ерр.*, II, 4; 5; 10 или *Ерр.*, I, 5, и т. д.)

Лициний начинает свою речь со страстного призыва к народу, призыва к борьбе за восстановление народом своих прав и своего положения в государстве. Он снова рисует безотрадную картину порабощения народа, ибо последний ценится лишь по мере приносимой им выгоды — наравне с домашним скотом, — а все права и привилегии давно утратил (Hist., III, fr. 48, 6—7). Но Лициний тут же подчеркивает, что даже при подобной бездеятельности и несправедности народ представляет собой огромную, грозную силу, которая страшит олигархическую группу нобилитета.

Или вы еще колеблетесь, — говорит Лициний Макр, — обращаясь к своим слушателям, как бы что не помешало вам, когда вы будете выступать единодушно, после того как они испугались вас, когда вы были медлительными и бездеятельными (III, fr. 48, 3). Затем Лициний останавливается на смутах и междоусобицах, которые, по его мнению, целиком можно объяснить борьбой нобилитета за власть, за господство над плебеями (III, fr. 48, 11—12). Эта борьба неизбежна, и народ не может стоять в стороне от нее, наоборот, он должен принять в ней участие и выйти победителем, если не хочет уготовить себе худшую участь и окончательное порабощение. Подумайте о том, говорит Лициний Макр, что если вы не победите, то для вас будут созданы еще более стеснительные условия, так как всякая несправедливость тем безопаснее, чем она тяжелее (III, fr. 48, 13).

Далее Лициний развивает программу, обосновывающую права народа на суверенное положение в государстве.

Предки ваши, — говорит он, обращаясь к народу, — завоевали для вас подачу голосов, свободную от давления со стороны патрициев, так что теперь приходится призывать не к той героической борьбе, при помощи которой была завоевана трибунская должность, а всего лишь к тому, чтобы вы поставили должностное лицо, признаваемое и сенаторами. В нас, квириты, вся сила, и вы можете по своему желанию исполнять или не исполнять то, что теперь приказывают вам другие. Обширной власти консулов и постановлений сенаторов только вы, квириты, и придаете силу тем, что приводите их в исполнение, а произвол над вами вы же сами поддерживаете и усиливаете своей угодливостью¹.

Это — центральное место в речи и в смысле своего содержания и в смысле лежащего на нем логического ударения. Лицинием дано здесь обоснование суверенного положения народа в государстве; в народе — *vis omnis*; права народа, отвоеванные еще предками; — священны, и никто не имеет права посягать на них, власть народа стоит выше консульской власти и даже декретов сената. Очень любопытно сравнить вышеприведенный отрывок речи Лициния с тем местом из раннего «Письма», где Саллюстий говорит о неспособности народа «*ad capessendam rem publicam*» (Epp., II, 5). Теперь к управлению государством оказывается способным только народ и только народ имеет на это право.

В конце своей речи Лициний предостерегает от обольщения демагогическими пощадками нобилитета (Hist., III, fr. 48, 19—20) и снова призывает к борьбе за возвращение прав и свободы. Этот призыв к борьбе народа за свои права есть по существу призыв к борьбе за руководящее положение в государстве. Оно и должно принадлежать народу, во-первых, согласно правам, отвоеванным еще предками, а во-вторых, потому, что народ, несмотря на еще недостаточную сознательность и политическую активность, является все же единственной реальной силой в государстве, которая может प्रतिпоставить себя в конце разложившимся, бессильным, продажным сенату и публиту.

свидетельствует о том, что Саллюстий вкладывал в эти термины однозначный смысл, имея в виду всегда «народ», конечно, в своем понимании этого слова.

¹ S a l l., Hist., III, 48, 14—17: «... cum vis omnis, Quirites, in vobis sit [cp. Epp., II, 5] ... magna illa consulum imperia et patrum decreta vos exequendo rata efficitis, Quirites, ultroque licentiam in vos auctum atque adiutum properatis»

Таково развитие отношения Саллюстия к вопросу о роли народа, подытоженное речью Марка Лициния. Как нетрудно убедиться, отношение Саллюстия к народу предельно весьма примечательную, но вместе с тем вполне закономерную эволюцию¹.

Однако, и это необходимо снова подчеркнуть, говоря о роли «народа» в политической жизни, Саллюстий под словом «народ» понимал не низшие слои населения, не городскую пролетаризованную массу, для которой у него есть презрительная кличка *vulgus*, но скорее всего те среднезажиточные, промежуточные между римским нобилитетом и богачами, с одной стороны, и *vulgus*, с другой, слои населения.

Здесь, может быть, еще раз уместно поставить вопрос о том, насколько правомерно идентифицировать взгляды и положения, развиваемые в речах народных представителей, со взглядами самого Саллюстия. Возможно, что Саллюстий для придания большего исторического правдоподобия и в целях «исторической объективности» считает необходимым сколь возможно точно изложить платформу и политические лозунги римской «демократии», сам отсюда не сочувствуя этим лозунгам. Прямой и безапелляционный ответ на этот вопрос, очевидно, невозможен, и можно основываться лишь на косвенных доказательствах.

Не отрицая того, что в речах народных представителей Саллюстий мог допускать более крайние формулировки, которые, возможно, были бы смягчены и урезаны, если бы автор вел речь от своего имени, тем не менее можно думать, что форма речи, как и самый метод введения речей в повествование, служили для Саллюстия наиболее удобным приемом изложения его собственных взглядов. Именно потому, что его собственные политические воззрения в этот период были близки к основным идеям, развиваемым Меммием, Лицинием и т. д., он «предоставлял им слово» на страницах своего произведения и, по существу, не противопоставил их речам ни одной речи, пропагандирующей политические лозунги, идущие из противоположного лагеря. Трудно и почти невероятно представить себе, чтобы автор (да еще такой партийно-страстный автор, как Саллюстий!), если бы он стоял на антидемократических позициях, отводя в своих произведениях столько места пропаганде и прославлению (в той или иной форме) демократических лозунгов, не сделал попытки хоть раз, пусть устами того или иного представителя нобилитета, показать читателю с положительной стороны программу сенаторского лагеря.

Подобная «односторонность» противоречит устоявшейся традиции античного повествования, которая характерна как для повествования исторического, так и для принципов построения логического доказательства в ученых философских трактатах и которая сформулирована в завете: *audiatur et altera pars*. Не возвращаясь к ссылкам на принципы Фукидида и Полибия, достаточно указать лишь на чрезвычайно типичное в этом отношении рассуждение Цицерона об особенностях и преимуществах «чистых государственных форм» (*de re publ.*, I, 26, 42—48, 44; 42, 65—43, 67 сл., ср. I, 35, 54; 40, 62—41, 64; 45, 69), где Цицерон «беспристрастно» излагает точки зрения защитников] всех] трех форм, и хотя можно приблизительно установить, какая из этих форм более всего близка была самому Цицерону (что, кстати сказать, тоже далеко не бесспорно), то все же он считает своим долгом столкнуть и сопоставить все точки зрения, *pro* и *contra*. У Саллюстия этого нет, и подобное «упущение» не может считаться простой случайностью.

Теперь необходимо остановиться на анализе причин упадка, как они выясняются из сохранившегося текста «Историй». Как было установлено выше, картина разложения общества в раннем «Письме к Цезарю» изображалась как картина слабости сената и развращенности народа. Причины подчеркивались следующие: забвение сенаторами государственных интересов и предпочтение им интересов личных, своекорыст-

¹ Возможно, что в определенной связи с этой эволюцией отношения Саллюстия к народу находится рост его симпатий к вождям массовых движений. Так, Саллюстий в «Историях» изображает Серготория как демократа и неподкупного политического деятеля, ненавидимого нобилитетом, но уважаемого даже врагами (*Hist.*, I, fr. 88; 90), и с некоторой симпатией относится даже к Спартаку (*III*, fr. 90; 93).

ных, и затем утеря народом земельных участков. Картина упадка в «Заговоре Катилины» была дана как картина нравственного упадка общества в целом, причем причинами этого разложения выставлялись борьба абстрактных категорий и победы *ambitio* и *avaritia* над *virtus*. И, наконец, в «Историях» картина упадка снова выступает как картина полного разложения сената и развращенности народа. причем «развращенность» народа сказывается главным образом в его бездеятельности, в его недостаточной политической активности. Однако причины разложения римского общества требуют дополнительного исследования.

На первый взгляд может показаться, что Саллюстий в «Историях» выдвигает совершенно новые причины разложения, а именно разрушение Карфагена, уничтожение *metus hostilis*, с чем теперь связывается каузально упадок нравов в Риме.

Но это, конечно, не так. Для Саллюстия все эти факты внешней истории Рима имеют значение лишь как «корректив» к его теоретическим положениям. Разрушение Карфагена и уничтожение *metus hostilis* — отнюдь не причины разложения, а лишь своеобразный катализатор, убыстряющий процесс разложения. Саллюстий в своих последних произведениях, как и в «Заговоре Катилины», стоит на той точке зрения, что основной причиной разложения римского общества является злокозненность нобилитета. Однако поскольку уже в «Заговоре Катилины» Саллюстий исторически «доказал» развитие этой злокозненности, т. е. говорил о врожденности ее нобилитету, — мысль, которая получает свое окончательное выражение в «Историях», — постольку ему было необходимо ввести некоторый корректив в изображение картины упадка общества. Ибо, если злокозненность нобилитету врождена, то необходимо ответить на вопрос: почему она начинает проявляться в обществе только с определенного периода? Саллюстий поступает так: во-первых, он стучит краски в своих исторических экскурсах и дает гораздо более мрачное изображение римской истории (сужение рамок «золотого века», борьба сословий, смуты и междоусобицы), во-вторых, разрушение Карфагена и уничтожение *metus hostilis* ставит в причинную связь с разгулом пороков в римском обществе. Эти пороки существовали истари в среде продажного и развращенного нобилитета, но до поры до времени они сдерживались в определенных границах паличием *metus hostilis*. Разрушен Карфаген, исчез *metus hostilis*, и вот все эти пороки, *lubidines*, ничем уже не сдерживаемые, хлынули широким потоком. Разрушение Карфагена лишь способствовало проявлению врожденной испорченности нобилитета.

Итак, основной причиной, обуславливающей разложение общества, для Саллюстия попрежнему является злокозненность нобилитета, врожденность нобилитету страшных пороков: *ambitio* и *avaritia*. И, действительно, если «Заговор Катилины» можно назвать скрытой инвективой против нобилитета, то «История» суть явное, ничем уже неприкрытое нападение на него.

Выше уже приводилось достаточное количество примеров, показывающих, как Саллюстий обрушивается на продажность и развращенность римского нобилитета. Во фрагментах исторического экскурса «Историй» Саллюстий, в отличие от точки зрения, высказываемой в «Письмах» (II, 8), ставит вопрос о приращенности зла человеческой природе, имея в виду, конечно, «природу» римского нобилитета: «*nobis primae dissensiones vitio humani ingenii evenere*» (S a l l., Hist., I, fr. 7). Затем он показывает, в чем заключались эти *dissensiones* и кто был их виновной. Оказывается, что эти *dissensiones* есть не что иное, как извечная борьба сословий в римском обществе, борьба плебеев против патрициев, борьба римского народа против нобилитета за узурпированную им власть и права.

Ценность фрагментов исторического экскурса «Историй» заключается, между прочим, в том, что они совершенно ясно дают понять, на чьей стороне симпатии Саллюстия и чье дело он считает правым. Когда Саллюстий говорит, что «*dein servili imperio patres plebem exercere*» (I, fr. 11), то ясно, что он всецело на стороне плебеев; когда Саллюстий рассказывает, что «*quibus saevitiis et maxime fenere oppressa plebes, cum assiduis bellis tributum et militia simul toleraret, armata montem sacrum atque Aventinum insedit tumque tribunos plebis et alia iura sibi paravit*» (там же), то и здесь

явно проглядывает сочувствие плебсу, который борется «за права», а не творит беззакония, как это делают патриции и нобилитет.

Бросается в глаза одно чрезвычайно характерное обстоятельство, свидетельствующее о расширении «демократической платформы» Саллюстия. Вплоть до «Историй» Саллюстий во всех своих произведениях обрушивается на продажный и развращенный римский нобилитет, но к древней аристократии, к *patres*, у него отношение совсем иное (Ерр., II, 5; 10; Iug., 41, 2). В «Историях» Саллюстий впервые выступает и против *patres*, изображая историю Рима как историю извечной борьбы народа против угнетавшей его аристократии. Изменение отношения Саллюстия к *patres* несомненно обусловлено его полным разочарованием в авторитете сената.

Здесь, кстати, чрезвычайно уместно будет указать и на то, какую характерную эволюцию претерпевает отношение Саллюстия к трибунской власти. Если в «Заговоре Катилины» Саллюстий еще считал восстановление трибунской власти отрицательным фактором (58, 1), то в «Историях», как было только что указано, отношение к трибунату совсем иное. Еще более примечательна в этом смысле характеристика трибунской власти, как власти, созданной предками для справедливой защиты прав народа. Эта характеристика трибуната вложена в «Историях» в уста Мепиду (I, fr. 55, 23).

В заключение следует подвести общие итоги и ответить на некоторые вопросы, которые имеют определенное значение для понимания и оценки всего пути развития Саллюстия. Таковы, в первую очередь, вопросы о политическом идеале Саллюстия, о влиянии, какое оказало на этот «идеал» констатированное выше изменение политических убеждений и симпатий историка.

На первый взгляд может показаться, что политическим идеалом Саллюстия остается попрежнему его старая формула «сенат — народ», которая и обуславливала собой наиболее совершенное государственное устройство.

Однако подобный вывод был бы слишком поспешным, а потому и неверным. Необходимо обратить внимание на то, что если для Саллюстия эпохи раннего «Письма к Цезарю» и «Заговора Катилины» «золотой век» обуславливался формой правления (Ерр., II, 5; *Sat.*, 6,7), то, например, в историческом экскурсе «Югуртинской войны» этого уже нет; здесь речь идет только о соответствии, но форма правления, как нетрудно убедиться, не обуславливает «золотого века» — он обусловлен добрыми нравами и наличием *metus hostilis* (Iug., 41, 2,3). Такое изменение точки зрения Саллюстия объясняется тем, что для Саллюстия его прежний политический идеал теперь уже не идеал, его формула совершенного государственного устройства кажется очень далекой от совершенства. Политический идеал Саллюстия терпит крах, причем этот крах вызван развитием и изменением политических воззрений историка. Нужно остановиться на наиболее существенных из этих изменений.

Во-первых, нужно отметить крайне существенный факт изменения причин, объясняющих для Саллюстия разложение общества. Если для Саллюстия эпохи раннего «Письма к Цезарю» причинами разложения сената и народа, т. е. общества, были такие моменты, как утеря сенаторами чувства достоинства и утеря народом земельных участков, то теперь причину разложения Саллюстий видит в порочном и развращенном нобилитете, захватившем полноту власти в государстве. Губительные пороки *ambitio* и *avaritia*, *ignavia* и *superbia* врождены нобилитету, а в этой врожденной злокозненности нобилитета таится причина разложения римского общества.

Во-вторых, следует отметить не менее существенный факт изменения отношения Саллюстия к сенату. Если Саллюстий эпохи раннего «Письма к Цезарю» говорил о слабости и разложении сената, то вместе с тем, он все-таки еще верил в возможность восстановления прежнего морального и политического авторитета сената путем определенных реформ, которые он и предлагал в своем «Письме». В «Югуртинской войне» и в «Историях» сенат изображается настолько разложившимся, настолько продажным, что говорить о его возрождении — немыслимо. Духом полной безнадежности и разочарования веет от этой картины разложения сената.

И, наконец, в-третьих, следует отметить наиболее замечательный факт, а именно изменение отношения Саллюстия к роли «народа». Если для Саллюстия эпохи раннего «Письма к Цезарю» народ казался неспособным «*ad capessendam rem publicam*», если народ сообразно со взглядами, развиваемыми в этом «Письме», должен повиноваться сенату, как тело душе, то теперь Саллюстий выступает с учением о приоритете народа в государстве. Это происходит потому, что народ становится для Саллюстия единственной надеждой, единственной силой, способной возродить стремящееся к полному краху общество. Уже в «Югуртинской войне» народ показан как единственное орудие спасения государства, и показ этой выдающейся роли народа, как подчеркивает сам Саллюстий,¹ есть основная задача его работы (5,1—2). В «Историях» Саллюстий впервые выдвигает тезис о суверенном положении народа. Столь замечательное изменение отношения Саллюстия к роли народа объясняется тем, что теперь для него народ является той единственной, реальной силой, которая а) может противостоять нобилитету, толкающему Римское государство в пропасть; б) может быть обращена на великое дело реставрации общества и в) является единственной общественной силой, способной «*ad capessendam rem publicam*».

Перечисленные серьезные сдвиги в политических воззрениях историка не могли не повлечь на его представление о лучшем государственном устройстве, несмотря на всю «абстрактность» и философскую сублимированность этого представления. Из идеальной схемы Саллюстия «сенат — народ» выпадает первое звено, так как оно оказалось прогнившим насквозь, так как оно окончательно дискредитировано. Идеалом государственного устройства теперь для Саллюстия является такая форма, которая может обеспечить приоритет народа в государстве.

В этом заключается некий прогрессивный момент развития политических воззрений Саллюстия, тогда как его прежний идеал, его схема «сенат — народ» лежала в прошлом; зовя к нему, Саллюстий звал в прошлое, к *tempus maiorum*. Государственная же форма, где приоритет принадлежит народу, еще не дана, она — в будущем. Так жизнь и политическая борьба заставляют Саллюстия отойти от умозрительных схем¹ и выйти на новые пути.

Остается решить последний, уже затронутый выше вопрос, вопрос о том, имеет ли развитие и изменение политических воззрений Саллюстия только частный субъективный характер или его следует рассматривать шире.

До сих пор в данной статье еще не было сделано попытки более или менее четкого определения социальной принадлежности Саллюстия. Однако после всего вышеизложенного ответ на этот вопрос не представляется чрезмерно затруднительным. Саллюстий, несомненно, представлял интересы той группировки рабовладельческого класса, которую можно назвать промежуточной прослойкой между плутократической верхушкой и деклассированными низами. Однако это пока еще очень общее и расплывчатое определение. Несомненно, есть возможность более точно определить социальную принадлежность Саллюстия. Саллюстий, родившийся в сабийском городе Амитерне, был по существу выходцем из среды плебейской муниципальной аристократии. Очевидно, именно он упоминается Асконием в связи с событиями 52 г. В этот год Саллюстий был народным трибуном,¹ причем стоял на стороне Клодия, а следовательно, был противником Милона и Цицерона. Вместе с другими трибунами — Квинтом Помпеем и Мунацием Планком он, после убийства Клодия, произносит страстные речи, направленные против Милона. Он стремится придать делу последнего политический характер и доказывает, что убийство Клодия — результат заговора нобилитета.

¹ Ибо лозунг возврата к *tempus maiorum*, несмотря на свой практический и «реальный» характер (государственные формы были исторически даны!), есть только научное построение, характерное для большинства античных государствоведческих теорий, берущее свои истоки в греческой философии и в первую очередь у Платона (например, «Менексен»).

Итак, Саллюстий — представитель муниципальной аристократии, на политическую арену он выступил как *populagis* и вместе с некоторой частью популяров одно время ориентировался на Цезаря. Это и есть та «промежуточная прослойка», которая, с одной стороны, достаточно четко отделяла себя от деклассированных низов, т. е. *vulgus*, но, с другой стороны, не менее ярко невидела кастово-замкнутую, олигархическую группу нобилитета. Несомненно, что та программа реформ, та «политическая система», с которой Саллюстий выступил в «Письмах к Цезарю», отражала в какой-то мере политические требования и чаяния этой группировки.

Однако известно, что эта система потерпела полный крах, не будучи учтена и принята Цезарем, в результате чего политические воззрения и политические идеалы римского историка подвергаются существенному пересмотру, причем это, повидному, не было частным и субъективным явлением. Более вероятно, что Саллюстий не оторвался от вышеназванной прослойки, от своего классового окружения и не пошел каким-то особым «самобытным» и независимым путем. Несомненно, что группировка, к которой принадлежал Саллюстий, не была единой и однородной по своему составу и по своим настроениям — в ней были свои течения, свои оттенки, которые теперь, конечно, не представляется возможным точно обособить, но которые не могли не существовать.

Но если даже помимо только что высказанных соображений обратиться к конкретной исторической обстановке, к фактам и событиям разбираемой эпохи, то они могут только подтвердить высказанные положения относительно путей развития взглядов Саллюстия и представляемой им классовой группировки.

Выше были рассмотрены внутривполитические мероприятия Цезаря (см. стр. 237 сл.). Эти мероприятия и самое направление деятельности Цезаря не могли дать представителям указанной группировки даже надежды, что их основные требования (фактически равноправное с римской аристократией участие в деле государственного управления) будут удовлетворены. Поэтому разочарование в Цезаре выросло вполне закономерно не только у Саллюстия, но, очевидно, и в той общественной среде, которую он представлял.

Положение не изменилось и после смерти Цезаря. Несомненно, что политика триумвиров могла породить в общественной группировке, представленной Саллюстием, лишь резко оппозиционные настроения. Обычно считают, что второй триумвират встречал оппозицию, идущую из сенатских кругов, из среды нобилитета, оппозицию консервативно-аристократического толка. Это, конечно, правильное, но вместе с тем слишком узкое и одностороннее представление. Слои, захваченные оппозиционными настроениями, были значительно шире. Мероприятия триумвиров должны были встретить самое отрицательное отношение среди всех зажиточных слоев населения, в том числе и в среде муниципальной аристократии. Если после убийства Цезаря эти слои римского населения оказались в подавляющем большинстве на стороне заговорщиков-республиканцев (*C i s.*, ad *Att.*, XIV, 6, 2), то теперь, когда началась вакханалия налогов и поборов, сопровождаемая безудержным террором против богатых людей, то многие из них с сожалением вспоминали некогда ненавистное единодержавие Цезаря (*D i o*, XLVII, 15). Эта обстановка и создавала благоприятную почву для роста оппозиционных настроений самых различных оттенков.

Таким образом, та общественная прослойка, к которой принадлежал Саллюстий, за все время от битвы при Тапсе и вплоть до господства триумвиров должна была ощущать себя крайне шатко и неустойчиво, причем шаткость и неустойчивость ее положения увеличивались с каждым днем. Она оттеснялась от руля государственного управления все больше и больше, а в период террора триумвиров превратилась буквально в «преследуемых и гонимых». Отсюда — резко оппозиционное (хотя и скрываемое) отношение к триумвирам, отсюда же зарождение крайних лозунгов, если не в среде всех представителей прослойки в целом, то во всяком случае в определенной части ее. Конкретно исторические события эпохи и логика развития классовой борьбы были таковы, что эти слои оказались в некий исторический момент выбитыми из седла.

Это обстоятельство в значительной степени содействовало их недолговременному «полевению».

[Что касается учения Саллюстия о совершенном положении народа в государстве, то, хотя, конечно, трудно сказать, насколько оно характерно для всех его единомышленников (в том именно аспекте, как оно развито Саллюстием), но некоторое «полевение» этих бывших *proletarii* факт отнюдь не столь невероятный, тем более, что не следует особенно обольщаться насчет революционности этих тенденций.

Полинейшее бессилие сената слишком явно бросалось в глаза, и только немногие близорукие люди или фанатики могли после смерти Цезаря, но и то очень недолго, обманывать себя подобными иллюзиями¹. Предел этим иллюзиям был слишком быстро положен Антонием, а ко времени триумвиров от них не осталось и следа.

Ко всему этому государство было приведено, по мнению Саллюстия, в результате преступного хозяйничания нобилитета, узурпировавшего власть, превратившего сенат в жалкую игрушку в руках отдельных честолюбцев, поправшего права римского народа. С подобным положением нельзя было примириться. Нужно было найти в римском обществе, в Римском государстве, силу, способную противопоставить себя тиранам. Сенат, конечно, невозможно было принять во внимание; единственной силой, к которой можно было еще взывать, был римский народ, тесную связь и кровное родство с которым ощущает теперь упомянутая «прослойка».

Только римский народ, неотъемлемой, составной частью которого теперь² являются и они, «гожимые и преследуемые», — ибо народ тоже был всегда гоним и унижаем, как об этом повествует Саллюстий в своих последних произведениях, — способен подняться на борьбу против «клики», против тиранов и, отвоевав свои права, возродить римское государство. И в этом возрожденном государстве, где будет сокрушена мощь нобилитета и уничтожена тирания, народ займет подобающее ему место, место суверена, а вместе с ним, конечно, и его «составная, неотъемлемая часть» италийская муниципальная аристократия. Вот единственный путь для того, чтобы добиться осуществления своих «прав».

Такова истинная подоплека демократических лозунгов изучаемой промежуточной прослойки римского общества. Так устанавливается связь между «эволюцией» Саллюстия и изменением классовых позиций той общественной группировки, представителем которой он являлся, а следовательно, и общественная значимость развития политических воззрений римского историка.

¹ Примечательно то, что сам Саллюстий и его друзья, бывшие видные цезарианцы, занимают в это время позицию абсолютного «невмешательства».

² Для италийцев, лишь недавно получивших римское гражданство, было вполне естественно подчеркивать свою принадлежность к «римскому народу».